

Николай ГРИШИН

БИПОЛЯРНАЯ МОДЕЛЬ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ГЕОЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Геоэлекторальная структура страны зависит от сложности её партийной дифференциации. В России многообразие геоэлекторальных расколов поддержки партий может быть сведено к более простой биполярной структуре.

Основной причиной существования в России одномерной биполярной геоэлекторальной структуры является «моноцефальный» характер российского социального пространства.

The geo-electoral structure of the country depends on complexity of its party differentiation. In Russia the variety of geo-electoral cleavages of support of parties can be reduce to more simple bipolar structure. Principal cause of existence in Russia one-dimensional bipolar geo-electoral structure is the monocephalic character of the Russian social space.

Ключевые слова:

электоральные предпочтения, электоральная география, расколы, геоэлекторальная структура; electoral preferences, electoral geography, cleavages, geo-electoral structure.

Моделирование геоэлекторальной структуры современной России — одно из направлений сравнительного изучения устойчивых закономерностей территориальной дифференциации электорального поведения населения.

Перспективным представляется подход к моделированию геоэлекторальной структуры, который Р. Ф. Туровский называет «узловым»¹. Геоэлекторальное пространство в рамках такого подхода рассматривается как «непрерывный континуум, где выделяются ядра в виде как инновационных центров, так и наиболее выраженных этнокультурных ареалов и переходные пространства между ними». Осуществляемая таким образом территориальная дифференциация основана на концепции «центр — периферия», разработанной в географии Т. Хёгерстрандом² и получившей распространение в политико-географических исследованиях благодаря С. Роккану. Деление территории на «центр» и «периферию» является релятивным: район, являющийся «центром» по отношению к одной территории, одновременно может являться «периферией» по отношению к другой. Релятивным является и выбор критерия, в зависимости от которого осуществляется районирование. Если критериев несколько, то на одной территории можно выделить соответствующее множество геоэлекторальных структур. Если по одному критерию район может выступать по отношению к другому как «центр» к «периферии», то по иному критерию роли этих районов могут меняться на противоположные.

Многомерность геоэлекторальной структуры зависит от сложности партийной системы страны, а именно от дифференциации политических сил и многообразия групп электората. В постсоветской России политическое пространство достаточно фрагментировано, что в принципе должно вести к многомерности геоэлекторальной структуры страны.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение следующей гипотезы: территориальная дифференциация электоральной поддержки основных политических сил в России структурируется как

¹ Туровский Р. Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России (1999–2000 гг.). — М., 2002, стр. 188.

² Hägerstrand T. The Propagation of Innovation Waves // Readings in Cultural Geography. — Chicago and London, 1962.

ГРИШИН Николай Владимирович — к.полит.н., доцент; доцент кафедры политологии Астраханского государственного университета

простая биполярная модель, в которой совпадают большинство геоэлекторальных расколов. Биполярная модель геоэлекторальной структуры обычно характерна для стран с относительно простой партийной системой и присутствует в англосаксонской политической системе.

В современной России мы проследили территориальную дифференциацию электоральной поддержки следующих политических сил: либералов, КПРФ, ЛДПР, «партии власти» (отдельно в 1990-е и 2000-е гг.), «новых левых» партий (блок и партия «Родина», партии «Справедливая Россия»). Также рассмотрена дифференциация электорального поведения по таким показателям, как уровень явки на выборы и уровень активно-протестного голосования «против всех» (до 2006 г.). По отдельным политическим силам закономерности территориальных различий поддержки избирателей выявлены ещё с начала 1990-х гг.¹ Данный феномен подтверждается данными корреляционного анализа. Подобные исследования в отечественной политологии проводились с середины 1990-х гг.

В качестве эмпирической базы для апробации нашей гипотезы мы использовали результаты голосований за основные политические силы на субрегиональном уровне на примере результатов в 123 территориальных избирательных комиссиях (ТИК) Астраханской, Волгоградской и Ростовской обл., а также результаты голосований на уровне избирательных участков (УИК) на примере Астраханской обл. Хронологически в исследовании рассматриваются результаты выборов с 1995 г.

Каждая из ведущих политических сил обладает устойчивой территориальной дифференциацией электоральной поддержки. Самая высокая степень устойчивости территориальных отличий электоральной поддержки существует у либеральных партий и ЛДПР.

Устойчивость территориальных различий поддержки политиков либеральной направленности — феномен, убедительно подтверждаемый статистическими исследованиями². Наиболее подходящим статистическим методом для выявления таких

тенденций является коэффициент линейной корреляции Пирсона (r). Корреляция между результатами голосования за либеральные партии на выборах 1995 и 1999 г. по 123 ТИК рассмотренных нами трёх регионов юга России составила $r = 0,83$, по результатам выборов 1999 и 2003 г. $r = 0,96$. В сравнении результатов голосования за либеральные партии в 1995 и 2007 гг. корреляция, несмотря на 12-летний отрезок времени, сохраняет значительную величину ($r = 0,75$). Либеральный сектор российской политики интересен ещё и тем, что в его рамках существует очень тесная связь территориальной дифференциации электоральной поддержки отдельных его представителей. Например, корреляция между результатами поддержки СПС в 1999 г. и «Яблока» в 2007 г. составляет $r = 0,89$, корреляция между результатами поддержки «Яблока» в 2003 г. и СПС в 2007 г. — $r = 0,92$.

Выражение в территориальном пространстве устойчивых различий поддержки коммунистов было достаточно явно представлено на межрегиональном уровне в 1990-х гг. феноменом «красного пояса». На уровне ТИК корреляция между результатами голосования за КПРФ в 1995 г. и за Г.А. Зюганова в первом туре президентской кампании 1996 г. составила $r = 0,78$. Корреляция результатов голосования за КПРФ на парламентских выборах в 1995 и 1999 гг. составила $r = 0,65$.

В 1990-х гг. определённая устойчивость территориальной дифференциации поддержки проявилась у действующей партии власти. На уровне ТИК результаты голосования за партию «Наш дом — Россия» в 1995 г. и за Б.Н. Ельцина в первом туре президентских выборов 1996 г. составляла $r = 0,4$. В 2000-е гг. при формировании новой партии власти геоэлекторальный раскол по отношению к ней выявился более отчётливо. Корреляция на уровне ТИК по отношению к результатам «Единой России» в 2003 и 2007 гг. составляла $r = 0,78$. На уровне субъектов федерации ЮФО корреляция результатов голосования за партию власти в 2003 и 2007 гг. — $r = 0,86$.

Можно говорить о наличии устойчивых геоэлекторальных расколов в России ещё по двум проявлениям электорального поведения — активно-протестному голосованию («против всех») и явке.

В разрезе ТИК корреляция между уровнем активно-протестного голосования на

¹ Гельман В. Я. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Политическая наука, 2000, № 3, стр. 20.

² Малютин М. В. Электоральные предпочтения россиян: «парадокс стабильности» // Общественные науки и современность, 1998, № 1.

парламентских выборах в 1995 и 1999 гг. была $r = 0,64$, а в сравнении результатов выборов 1999 и 2003 гг. $r = 0,79$. На уровне субъектов федерации ЮФО корреляция результатов голосования «против всех» 1999 и 2003 гг. — $r = 0,91$.

Корреляция между показателями явки в разрезе субъектов федерации ЮФО на выборах 2003 и 2007 гг. составила $r = 0,8$.

Таким образом, можно говорить о наличии геоэлекторальных расколов по нескольким показателям электорального поведения. Структурирование российского электорального пространства по градиенту «центр — периферия» позволяет поставить вопрос об объединении специфических территориальных расколов ведущих политических сил в общую для них геоэлекторальную структуру.

Возможность отражения диверсифицированного электорального пространства России в рамках одномерной геоэлекторальной модели является парадоксальным допущением. На самом деле, многопартийное электоральное пространство должно предполагать более сложные и многомерные модели организации. Тем не менее такая возможность существует. Территориальные расколы по основным параметрам электорального поведения в России не образуют многомерного электорального пространства, но достаточно точно накладываются друг на друга.

На основании результатов голосования на федеральных выборах с 1990-х гг. можно увидеть наличие тесной связи между территориальной дифференциацией по отношению к различным политическим силам.

Территории, которые в терминах концепта «центр — периферия» могут быть отнесены к роли «инновационного центра», уже с 1990-х гг. отличались сравнительно более высокой степенью поддержки либералов, действовавшей тогда «партии власти» и уровнем активно-протестного голосования. Для тех территорий, где фиксировались повышенные значения одного из этих трёх показателей, обычно были характерны и повышенные значения двух других показателей.

Такая связь подтверждается корреляционным анализом. Корреляция результатов голосования за либеральные партии и «против всех» на парламентских выборах в 1995 г. в разрезе ТИК составляла $r = 0,43$. На парламентских выборах в 1999 г. такая

связь составляла $r = 0,84$; в 2003 г. — $r = 0,68$. Также в 1990-е гг. существовала достаточно явная положительная связь между уровнем поддержки либералов и уровнем поддержки действовавшей тогда федеральной власти (голосование за партию «Наш дом — Россия» в 1995 г., за Б.Н. Ельцина на президентских выборах в 1996 г.). Наиболее устойчивым признаком электорального поведения населения данных территорий является сравнительно высокая поддержка либеральных политических сил¹.

В 2000-е гг. эти же районы отличаются более высоким уровнем поддержки «новых левых» партий («Родина», «Справедливая Россия»). На парламентских выборах в 2003 г. на уровне ТИК корреляция результатов голосования за блок «Родина» с результатами голосования за либеральные партии составила $r = 0,75$, с результатами голосования «против всех» — $r = 0,75$. На выборах 2007 г. на уровне ТИК корреляция результатов голосования за партию «Справедливая Россия» с результатами голосования за либеральные партии составила $r = 0,5$.

В рамках концепции «центр — периферия» эти территории практически полностью вписываются в роль «инновационных центров»: это города или районы с более высоким уровнем экономического развития, концентрацией культурных, административных, коммуникационных ресурсов.

Уже с 1990-х гг. выделяется противоположный геоэлекторальный полюс России. Это территории с более высоким уровнем явки; в 1990-е гг. они отличались особенно значительной поддержкой коммунистической оппозиции, в 2000-е гг. — отличаются большей степенью лояльности новой федеральной партии власти. Данный геоэлекторальный полюс достаточно точно подпадает под определение «периферии».

В рамках описываемой нами биполярной геоэлекторальной модели районы, относимые, соответственно, к «центру» и «периферии», отличаются противоположными тенденциями поведения избирателей. Иначе говоря, чем в большей степени территория тяготеет к роли «периферии», тем сильнее в ней выражена

¹ Сморгунев Л. В. Феномен новых партий и его влияние на электоральное поведение // Человек. Сообщество. Управление, 2008, №1, стр. 5–8.

поддержка современной партии власти и повышен уровень явки и тем ниже здесь поддержка либералов, «новых левых» партий и т.д. Корреляционный анализ подтверждает данную тенденцию. На парламентских выборах 1995 г. на уровне ТИК результаты голосования за КПРФ имели отрицательную корреляцию с результатами голосования за либералов ($r = -0,66$), за протестное движение «Наш дом — Россия» ($r = -0,62$) и голосованием «против всех» ($r = -0,55$). В 2000-е гг. картина несколько меняется, что связано с тем, что позиции коммунистического электората оказались более устойчивыми не на «периферии» (где в 1990-е гг. он преобладал), а в «центрах». В связи с этим в 2000-е гг. более яркой сравнительной особенностью поведения избирателей периферии становится поддержка ими новой партии власти. На парламентских выборах 2003 г. на уровне ТИК результаты голосования за «Единую Россию» имели отрицательную корреляцию с результатами голосования за либералов ($r = -0,44$), за блок «Родина» ($r = -0,55$) и голосованием «против всех» ($r = -0,55$). Так же и в 2007 г. результаты голосования за «Единую Россию» имели отрицательную корреляцию с результатами либералов ($r = -0,44$) и партии «Справедливая Россия» ($r = -0,63$).

Биполярный характер структурирования российского геоэлекторального пространства выражается в нескольких показателях.

Для территорий, тяготеющих к полюсу «центра», характерны: 1) относительно низкая степень участия в голосовании; 2) относительно высокий уровень голосования «против всех»; 3) более высокая поддержка либералов; 4) более низкая поддержка КПРФ в 1990-е гг.; 5) относительно высокая степень поддержки «партии власти» в 1990-е гг.; 6) относительно низкая степень поддержки партии власти в 2000-е гг.; 7) более высокая поддержка «новых левых партий»; 8) большая устойчивость электората.

Характерные особенности поведения избирателей на территориях, тяготеющих к «периферии», прямо противоположны: 1) относительно высокая степень участия в голосовании; 2) относительно низкий уровень голосования «против всех»; 3) более низкая поддержка либералов; 4) более высокая поддержка КПРФ в 1990-е гг.; 5) относительно низкая степень под-

держки «партии власти» в 1990-е гг.; 6) относительно высокая степень поддержки «партии власти» в 2000-е гг.; 7) более низкая поддержка «новых левых» партий; 8) меньшая устойчивость электората.

Дифференциация многомерного электорального пространства России в соответствии с этой двухмерной, или биполярной, структурой прослеживается на всех возможных уровнях анализа. Наиболее очевидным выражением этой дихотомии является раскол электорального поведения населения по линии «город — село». Областной центр по отношению к остальной территории региона («периферии») практически во всех случаях играет роль «центра». Яркие примеры этой территориальной поляризации можно увидеть и в пределах одного города. Современный крупный российский город внутренне дифференцирован по этой же модели. Центральные городские районы в сравнении с периферийными городскими районами практически всегда обладают отмеченными выше сравнительными особенностями поведения избирателей. На межрегиональном уровне также можно проследить наличие такой модели структурирования российского электорального пространства.

Рассмотренная биполярная модель геоэлекторального пространства имеет известные границы применимости. За рамками этой биполярной геоэлекторальной структуры остаются особенности территориальной дифференциации поддержки ЛДПР. По нашему мнению, это можно связать с уникальной зависимостью поддержки ЛДПР от этнического состава населения территорий, что не характерно для остальных субъектов политического процесса.

Несмотря на наличие такого исключения, биполярная дихотомическая модель отражает территориальную дифференциацию по достаточно внушительному количеству показателей поведения избирателей.

Парадоксальность отражения столь значительного количества переменных в рамках одномерного дихотомического континуума может быть объяснена, исходя из особенностей российской модели «центр — периферия». С. Роккан отмечал, что структурирование пространства по полюсам «центр — периферия» может быть двух разных типов — монокефальное и поли-

кефальное. При монокефальной территориальной модели существует один центр (одновременно политический, экономический и культурный — по всем основным измерениям дифференциации). Поликефальность «означает более ровное, более однородное распространение признаков центрального положения по всей территории, и, возможно, пространственную сегментацию различных типов обладателей ресурсов, цепь функционально различных центров, каждый из которых обладает своим собственным профилем элитных групп»¹. Для России структурирование территориальной дифференциации именно по монокефальной модели является ярко выраженным. «Центры» пространства в России обычно совмещают в себе функции центров всех видов — административного, общественно-политического, экономического, информационного, научно-образовательного, культурного. В свя-

¹ Rokkan S., Urwin D. The Politics of Territorial Identity. — L., N.Y., 1982, p. 117.

зи с этим многочисленные «кливажи» российского общества неизбежно находят своё пространственное выражение в рамках единой монокефальной, а следовательно, унифицированной геоструктуры «центр — периферия». При этом единство самой монокефальной геоструктуры отнюдь не означает слияние в её рамках самостоятельно существующих общественных «кливажей». Следовательно, объективное существование биполярной геоэлекторальной структуры не обязательно предполагает тенденцию к двухпартийности или упрощению партийно-политического многообразия.

Именно в наличии в России ярко выраженной монокефальной геоструктуры мы склонны видеть основную причину территориальной дифференциации электро-ральных предпочтений в рамках биполярной модели.